

Содержание

Глава первая 7
Глава вторая 65
Глава третья 136
Глава четвертая 195
Глава пятая 253
Глава шестая 320
Глава седьмая 360

Ты в крови. Лицо и руки.
Вся в крови твоя одежда.
Так гори, прими же муки,
Фалька, изверг. Брось надежду.

Детская песенка,
исполняемая во время аутодафе
куклы Фальки в сочевник Саовины

ВЕДЬМАНЫ, тж. ведьмаки на диалекте нордлингов (см.) — таинственная элитная каста жрецов-воинов, вероятно, один из друидских кланов (см.). Обладая, как считалось в народе, магической силой и сверхчеловеческими способностями, В. якобы боролись против чудовищ, злых духов и всяческих темных сил. В действительности же мастерски владевшие оружием В. использовались владыками Севера в межплеменных разборках. Во время боя В., впадая в транс, вызываемый, как полагают, самогипнозом либо одурманивающими декоктами, слепо бились, будучи совершенно невосприимчивыми к боли и даже серьезным телесным повреждениям, что укрепляло веру в их сверхъестественные способности. Теория, гласящая, что В. представляли собой продукт мутации либо генной инженерии, подтверждения не получила. В. — герои многочисленных сказаний нордлингов (ср. Ф. Делануа «Мифы и легенды народов Севера»).

Эффенберг и Тальбот
«Encyclopaedia Maxima Mundi», т. XV

Глава первая

— Чтобы зарабатывать на жизнь в качестве настоящего гонца, — любил говаривать Аплегатт поступающим на службу юнцам, — требуются, во-первых, золотая голова и, во-вторых, железная задница. Золотая голова, — поучал Аплегатт молодых гонцов, — необходима, поскольку под одеждой, в привязанной к голой груди плоской кожаной суме гонец возит только менее значительные сообщения, которые, не опасаясь, можно доверить ненадежной бумаге либо пергаменту. По-настоящему же важные, секретные известия, от которых многое зависит, гонец должен запомнить и повторить кому следует. Слово в слово. А это порой бывают непростые слова. Их и выговорить-то трудно, не то что запомнить. А чтобы запомнить и, повторяя, не ошибиться, надобна воистину золотая голова.

А для чего нужна железная задница, так это любой гонец очень даже скоро почувствует сам. Как только придется ему провести в седле три дня и три ночи, протрястись сто, а то и двести верст по большакам, а ежели понадобит-

ся, то и по бездорожью. Ну, само собой, сидишь в седле не беспрерывно, иногда слезаешь, чтобы передохнуть. Потому как человек может выдержать многое, а лошадь — нет. Но когда после передышки снова нужно в седло, то кажется, что зад в голос вопит: «Спасите, убивают!»

— А кому в наше время нужны конные гонцы, господин Аплегатт? — иногда удивлялись молодые люди. — К примеру, из Венгерберга до Вызимы никому не доскакать быстрее, чем в четыре-пять дней, даже на самом что ни на есть резвом скакуне. А сколько времени понадобится чародею, чтобы из того же Венгерберга переслать другому чародею магическое сообщение в Вызиму? Полчаса, а то и меньше. У гонца конь может сбить ногу. Его могут прикончить разбойники или Белки, разорвать волки или грифоны. Был гонец, и нет гонца. А чародейское сообщение завсегда дойдет, дороги не попутает, не запоздает и не затеряется. К чему гонцы, коли при каждом королевском дворе есть чародеи? Нет, господин Аплегатт, теперь гонцы уже не нужны.

Какое-то время Аплегатт тоже думал, что больше он не пригодится. Ему было тридцать шесть. Ростом, правда, он не выдался, но был силен и жилист, работы не чурался, и голова была у него, разумеется, золотая. Мог он найти другую работу, чтобы прокормить себя и жену, чтобы отложить немного деньжат на приданое двум незамужним пока дочерям, чтобы и дальше помогать замужней, мужу которой, безнадежному недотепе, постоянно не везло в делах. Но Аплегатт не хотел и не представлял себе другой работы. Он был королевским конным гонцом.

И вдруг, после долгого мучительного бездействия и унизительной невостребованности, Аплегатт снова стал нужен. По большакам и лесным просекам снова застучали

конские копыта. Гонцы, как в добрые старые времена, опять принялись бороздить краину, разнося известия от города к городу.

Аплегатт знал, в чем тут дело. Он видел много, а слышал и того больше. От него требовалось незамедлительно стереть из памяти содержание переданного сообщения, забыть о нем так, чтобы не вспомнить даже под пытками. Но Аплегатт помнил. Помнил и знал, почему короли вдруг перестали поддерживать связи при помощи магии и магиков. Сообщения, которые перевозили гонцы, должны были оставаться тайной для чародеев. Короли вдруг прекратили доверять магикам, перестали поверять им свои секреты.

Почему так неожиданно охладела дружба королей и чародеев, Аплегатт не знал, да и не очень-то хотел знать. И короли, и магики, по его мнению, были существами непонятными, непредсказуемыми — особенно когда наступали трудные времена. А того, что наступили трудные времена, не заметить было невозможно, разъезжая от города к городу, от замка к замку, от королевства к королевству.

Дороги были забиты войсками. По большакам пылили колонны пехотинцев и конников, а каждый встречный начальник был сердит, озабочен, груб и так важен, будто судьбы мира зависели от него одного. Города и замки тоже были полны вооруженного люда, день и ночь там кипела лихорадочная суета. Обычно незаметные бургграфы и кастеляны теперь без устали метались по дворам и стенам замков, злые, словно осы перед бурей, орали, сквернословили, отдавали приказы, раздавали пинки и зуботычины. К крепостям и гарнизонам днем и ночью тянулись колонны тяжело груженных телег, навстречу им быстро и легко шли уже пустые обозы. На дорогах вздымали облака пыли перего-

няемые табунами прямо с пастбищ горячие трехлетки. Не привыкшие к удилам и вооруженному седоку лошади пользовались последними днями свободы, создавая погонщикам массу дополнительных хлопот, а другим пользователям дорог — немало забот.

Одним словом, в жарком неподвижном воздухе висела война.

Аплегатт приподнялся на стременах, осмотрелся. Внизу, у подножия взгорья, поблескивала река, круто извиваясь меж луговин и куп деревьев. За рекой, на юге, раскинулись леса. Гонец прижал пятками лошадь.

Время торопило.

Он был в пути уже два дня. Королевский приказ и почта застали его в Хагге, где он отдыхал после возвращения из Третогора. Из крепости выехал ночью, галопом прошел по большаку вдоль левого берега Понтара, перед рассветом пересек границу с Темерией, а теперь, в полдень второго дня, уже был на берегу Исмены. Если б король Фольтест оказался в Вызиме, Аплегатт вручил бы ему послание еще минувшей ночью. К сожалению, короля не было в столице, он пребывал на юге страны, в Мариборе, почти в двух сотнях верст от Вызимы. Аплегатт знал об этом, потому в районе Белого Моста оставил ведущий на запад большак и поехал лесами в сторону Элландера. Он немного рисковал. В здешних лесах разбойничали Белки — эльфьи бригады, скоя'таэли, и горе тому, кто попадал им в руки либо нарывался на стрелу. Но королевский гонец вынужден рисковать. Служба такая.

Аплегатт легко преодолел реку — с июня не было дождей, и вода в Исмене заметно спала. Придерживаясь опушки леса, добрался до дороги, ведущей из Вызимы на

юго-восток, в сторону краснолюдских медеплавилен, кузниц и поселков в массиве Махакам. По дороге тащились телеги, их то и дело опережали конные разъезды. Аплегатт облегченно вздохнул. Где людно — нет скоя'таэлей. Кампания против восставших эльфов тянулась в Темерии уже год, преследуемые по лесам бригады Белок разбились на мелкие группы, а мелкие группы держались вдали от шумных дорог, и засад на них не устраивали.

К вечеру он был уже на западной границе княжества Элландер, у развилки вблизи деревушки Завада, оттуда прямая и безопасная дорога вела на Марибор — сорок две версты мощеным людным трактом. На развилке пристроилась корчма. Он решил передохнуть и дать отдых лошади. Знал, что если выехать на заре, то, даже не особенно утомляя кобылку, можно будет еще до захода солнца увидеть серебряно-черные флаги на красных крышах башен мариборского замка.

Он расседлал кобылу и, отогнав слугу, сам протер ее. Аплегатт был королевским гонцом, а королевские гонцы никому не позволяют прикасаться к своим лошадям. Съел внушительную порцию яичницы с колбасой и четвертушку пеклеванного хлеба, запил квартой пива. Послушал сплетни. Самые разные. В корчме останавливались путешественники со всех сторон света.

В Дол Ангре снова заварушка, снова отряд лирийской кавалерии столкнулся на границе с нильфгаардским разъездом. Мэва, королева Лирии, опять на весь мир обвинила Нильфгаард в провокациях и попросила помощи у короля Демавенда из Аэдирна. В Третогоре свершилась публичная экзекуция реданского барона, который тайно сносился с эмиссарами нильфгаардского императора Эмгыра.

В Каэдвене объединившиеся в большую группу бригады скоя'таэлей учинили резню в форте Лейда. В ответ население Ард Каррайга устроило погром, истребив почти четыре сотни живших в столице нелюдей.

В Темерии, рассказали едущие с юга купцы, среди цинтрийских эмигрантов, собранных под штандарты маршала Виссегерда, царит печаль и траур, ибо подтвердилось страшное сообщение о смерти Львенка, княжны Цириллы, последней из рода королевы Калантэ, Львицы из Цинтры.

Было поведано еще несколько страшных и зловещих историй. Например, что в нескольких деревнях под Альдерсбергом коровы вдруг стали доиться кровью, а не молоком, а на рассвете люди видели в тумане Деву Мора, предвестницу жуткой гибели. В Бругге, в окрестностях леса Брокилон, заповедного королевства лесных дриад, объявился Дикий Гон, галопирующая по небесам кавалькада призраков, а Дикий Гон, каждому ведомо, всегда предвещает войну. А с мыса Бремервоорд заметили призрачный корабль, а на его борту — привидение черного рыцаря в шлеме с крыльями хищной птицы...

Дальше гонец прислушиваться не стал, он был сильно утомлен. Отправился в общую ночлежную комнату, колодой повалился на лежанку и уснул.

Поднялся на заре. Выйдя во двор, немного удивился — оказалось, что он не первым собрался в путь, а такое случалось не часто. У колодца стоял оседланный вороной жеребец, рядом в корыте мыла руки женщина в мужской одежде. Услышав шаги Аплегатта, она обернулась, мокрыми руками собрала и отбросила на спину буйные черные волосы. Гонец поклонился. Женщина слегка кивнула.

Входя в конюшню, он чуть не столкнулся со второй ранней пташкой — молоденькой девушкой в бархатном берете, выводившей в этот момент серую в яблоках кобылу. Девушка потирала лицо и зевала, прижавшись к боку лошади.

— Ой-ёй, — буркнула она, проходя мимо гонца. — Точно, усну в седле... Усну... Аауауа...

— Холод разбудит, когда кобылку разгонишь, — вежливо сказал Аплегатт, стаскивая с балки седло. — Счастливого пути, мазелька...

Девушка повернулась и глянула на него так, словно только сейчас увидела. Глаза у нее были огромные и зеленые, как изумруды. Аплегатт накинул на лошадь чепрак.

— Счастливого пути, говорю. — Обычно он не был словоохотлив или разговорчив, но сейчас чувствовал потребность поболтать с ближним, даже если этим ближним была самая что ни на есть обычная заспанная девчонка. Может, виной тому были долгие дни одиночества на дороге, а может, то, что девчонка немного походила на его среднюю дочку.

— Храни вас боги, — добавил он, — от несчастий и дурных приключений. Вы же всего лишь вдвоем, да к тому же женщины... А времена теперь недобрые. Кругом опасности поджидают на большаках...

Девочка еще шире распахнула зеленые глаза. По спине гонца пробежал холод, пробила дрожь.

— Опасности... — вдруг проговорила девочка странным, измененным голосом. — Опасность — тихая. Не услышишь, как налетит на серых перьях. Я видела сон. Песок... Песок был горячий от солнца...

— Что? — замер Аплегатт, прижимая к животу седло. — О чем ты, мазелька? Какой песок?

Девочка сильно вздрогнула, протерла лицо. Серая в яблоках кобыла тряхнула головой.

— Цири! — крикнула черноволосая женщина со двора, поправляя подпругу и вьюки. — Поспеши!

Девочка зевнула, глянула на Аплегатта, заморгала. Казалось, она удивлена его присутствием в конюшне. Гонец молчал.

— Цири, — повторила женщина. — Заснула?

— Иду, иду, госпожа Йеннифэр!

Когда Аплегатт оседлал коня и вывел во двор, женщины и девочки там уже не было. Протяжно и хрипло пропел петух, разлаялась собака, в деревьях откликнулась кукушка. Гонец вскочил в седло. Неожиданно вспомнил зеленые глаза заспанной девочки, ее странные слова. Тихая опасность? Серые перья? Горячий песок? Не иначе как не в своем уме девка, подумал он. Множество таких сейчас встречается — спятивших девчонок, обиженных в военные дни мародерами или другими подонками. Да, не иначе тронутая. А может, просто как следует не проснулась, еще толком не пришла в себя? Диву даешься, какие бредни порой люди плетут на рассвете, между сном и явью...

Он снова вздрогнул, а между лопатками почувствовал боль. Помассировал плечи пятерней.

Оказавшись на мариборском тракте, он всадил коню пятки в бока и послал в галоп.

Время торопило.

В Мариборе гонец отдыхал недолго — не кончился день, а ветер уже снова свистел у него в ушах. Новый конь, чубарый жеребец из мариборских конюшен, шел ходко,

вытягивая шею и метя хвостом. Мелькали придорожные вербы. Грудь Аплегатта прикрывала сума с дипломатической почтой. Зад вопиял.

— Хоть бы ты себе шею свернул, летун проклятый! — рявкнул ему вслед возница, натягивая вожжи пары, напуганной промчавшимся чубарым. — Ишь прет, будто ему смерть пятки лижет! Ну-ну, при, дурень, все едино — от костлявой не сбежишь!

Аплегатт протер слезящиеся от ветра глаза.

Вчера он передал королю Фольтесту письмо, а потом проговорил тайное послание короля Демавенда:

Демавенд — Фольтесту. В Дол Ангре все готово. Ряженые ждут приказа. Намечен срок: вторая июльская ночь после новолуния. Лодки должны пристать к тому берегу спустя два дня.

Над большаком, громко каркая, стаями летели вороны. Они летели на восток, в сторону Махакама и Дол Ангры, в сторону Венгерберга. Гонец мысленно повторил слова секретного послания, которое через него король Темерии слал королю Аэдирна:

Фольтест — Демавенду. Первое: акцию задержать. Мудрилы объявили Сбор на острове Танедд, хотят встретиться и что-то обсудить. Их Сбор может многое изменить. Второе: поиски Львенка можно прекратить. Подтвердилось: Львенок мертв.

Аплегатт ткнул чубарого пятками.

Время торопило.

* * *

Узкая лесная дорога была забита телегами. Аплегатт придержал коня, спокойно потрусил к последнему в длинной веренице возу. Сразу же сообразил, что через затор не пробиться. О том, чтобы повернуть назад, не было и речи: слишком большая потеря времени. Лезть в болотистую чащобу, чтобы обойти затор, тоже не очень улыбалось, тем более что дело шло к ночи.

— Что случилось? — спросил он возниц с последней телеги обоза, двух старичков, из которых один, похоже, дремал, а второй был мертв. — Белки напали? Отвечайте! Я спешу!

Не успел старикан ответить, как со стороны невидимой в лесу головы колонны послышались крики. Возницы спешно запрыгивали на телеги, хлестали лошадей и волов, сопровождая удары малоизысканными проклятиями. Колонна тяжело стронулась с места. Дремавший старичок очнулся, тряхнул бородой, чмокнул мулам и хлестнул их вожжами по крупам. Старик, казавшийся мертвым, воскрес, сдвинул на затылок соломенную шляпу и глянул на Аплегатта.

— Гляньте-ка. Спешит он. Эй, сынок, те посчастливилося. В сам час прискакал.

— И то верно, — пошевелил бородой второй старик и подстегнул мулов. — В сам час. Ежели б в полудень заехал, стоял бы с нами, ждал вольного проезду. Все мы спешим, а торчать пришлося. А как проедешь, коли тракт запёрт?

— Тракт был закрыт? Это почему же?

— Свирепый людоедец объявился, сынок. На лыцаря напал, что сам-друг со слугой ехал. Лыцарю-то вроде как чуд энтот башку вместях со шлемом оторвал, коняке кишки

выпустил. Слуга успел драпануть, кричал, мол, ужасть тама одна, мол, тракт аж красным стал от кровишши.

— Что за чудовище-то? — спросил Аплегатт, сдерживая коня, чтобы продолжить разговор с возницами едва волочившейся телеги. — Дракон?

— Не-а, не дракон, — встрял второй старичок, тот, что в соломенной шляпе. — Говорят, мандыгор аль как-то этак. Слуга болтал, мол, летучий стервь, страсть какой жуткий. А уж ярый — мочи нету! Мы-т думали, сожрет лыцаря и улетит, ан где тама! Уселси на дороге, курвишше, и сидит, шипит, зубишшами клацает. Ну вот и закупорил дорогу, навроде как пробка флягу, потому как ежели кто подъезжал и чуду энту видел, тут же воз бросал и деру. Возов понабралося с полверсты, а кругом, сам видишь, болоты, сынок, пушша и трясина, ни объехать, ни завернуть. Вот и встали, значитца.

— Столько народу, — фыркнул гонец, — а стояли как столбы какие! Надо было топоры хватать да колья и согнать зверюгу с дороги, а то и прибить.

— Оно, конешным делом, пробовали. Некоторые, — сказал державший вожжи старичок, подгоняя мулов, потому что колонна двинулась быстрее. — Трое краснолюдинов из купецкой стражи, а с ими четверо новобранцев, что в Каррерас в крепость шли, в войско. Краснолюдов бестия покалечила, а новобранцы...

— Сбегли, — докончил второй старичок, после чего сочно и далеко сплюнул, попав точно между крупами мулов. — Сбегли, едва энту мандыгорину узрели. Один вроде бы в штаны наклал. О, глянь, глянь, сынок, это он! Вона там!

— Еще чего, — занервничал Аплегатт, — засранца мне собрались показывать? Не интересуюсь...

— Да нет! Чудишше! Убитое чудишше. Солдаты на фуру кладут. Видишь?

Аплегатт приподнялся на стременах. Несмотря на опускающиеся сумерки, через головы любопытных увидел, как солдаты поднимают огромную бледно-желтую тушу. Крылья летучей мыши и скорпионий хвост чудовища бессильно волочились по земле. Гакнув, солдаты подняли тушу повыше и свалили на воз. Запряженные в воз лошади, взволнованные запахом крови и падали, заржали, дернули дышло.

— Не стоять! — рявкнул на старичков командовавший солдатами десятник. — Дальше! Не загораживать проезд!

Дедок подстегнул мулов, воз подскочил на выбоинах. Аплегатт ткнул коня пяткой, поравнялся с ними.

— Похоже, солдаты бестию прикончили?

— Куды там, — возразил старичок. — Солдаты, как пришли, только на людей орали да ругались. То — стой, то — оттяни назад, то то, то другое. К чуду-то не больно спешили. Послали за ведьмаком.

— Ведьмаком?

— Ну да, — подтвердил второй старичок. — Которому-то из них припомнилося, будто он в деревне ведьмака видел, вот и послали за им. Опосля он проезжал мимо нас. Волос белый, морда отвратная и крепкий меч за спиной. И часу не прошло, как спереду кто-то крикнул, мол, щас можно будет ехать, потому как ведьмак бестию укотрупил. Тута наконец тронулися мы, и аккурат, сынок, ты заявился.

— Хм, — задумчиво проговорил Аплегатт. — Сколько лет по дорогам гоняю, а ведьмака еще не встречал. Кто-нибудь видел, как он то чудовище уделывал?

— Я видел! — крикнул паренек с расчехранной шевелюрой, подъезжая с другой стороны телеги. Ехал он без